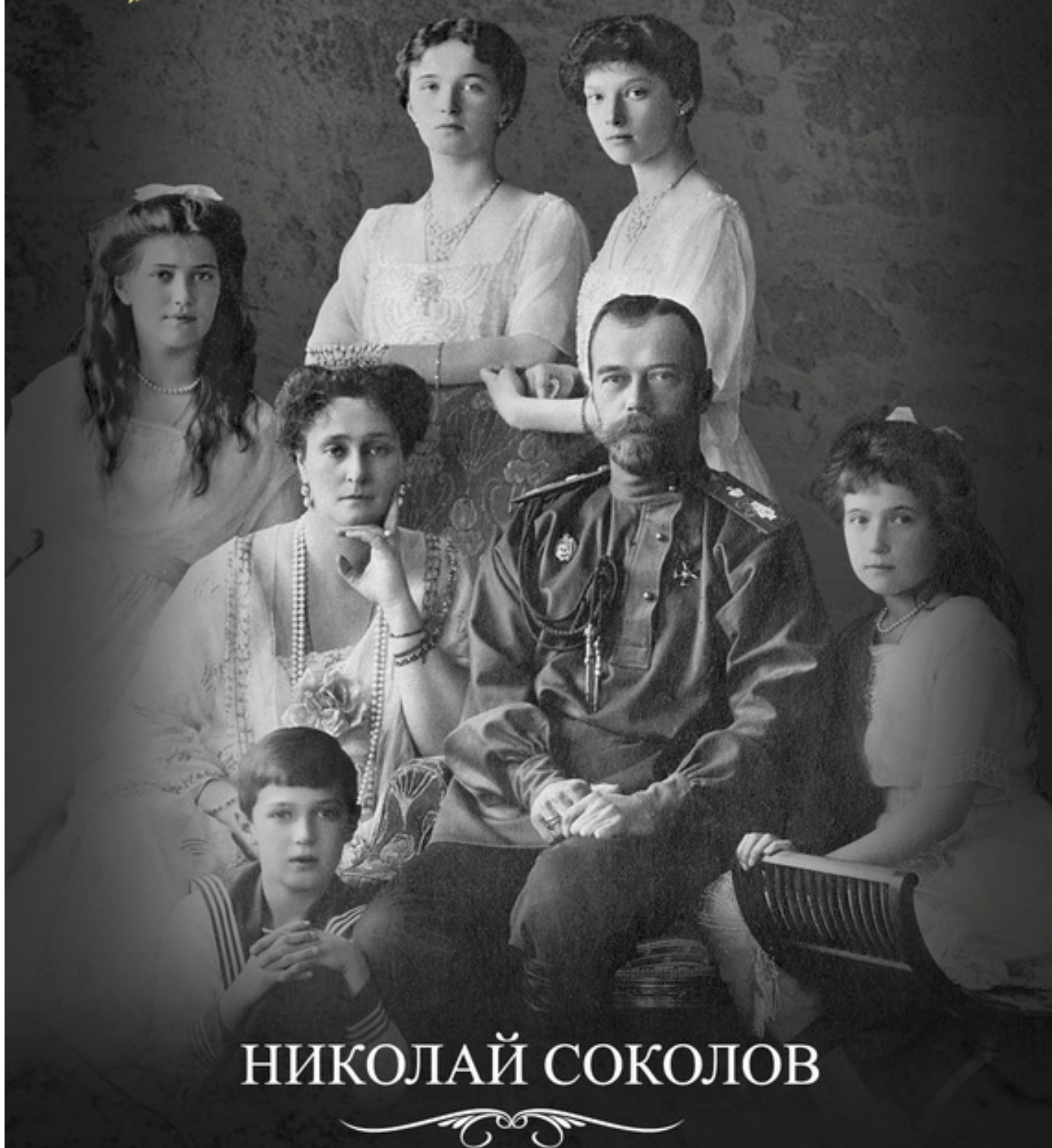

Романовы. Тайны династии

УБИЙСТВО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

НИКОЛАЙ СОКОЛОВ

Романовы. Тайны династии

Николай Соколов

Убийство царской семьи

«Алисторус»

2016

УДК 94(47)"1918"
ББК 63.3(2)6

Соколов Н. А.

Убийство царской семьи / Н. А. Соколов — «Алисторус»,
2016 — (Романовы. Тайны династии)

ISBN 978-5-906861-09-2

В 1918 году в Екатеринбурге было совершено зверское преступление. Мать, отец и их дети – четыре девочки и маленький мальчик – были жестоко убиты. Их достреливали в упор, добивали штыками. Стены комнаты, забрызганные кровью, расчлененные тела, попытка скрыть следы преступления... Появился такое сообщение в прессе, даже в наше криминальное время, оно заставило бы многих содрогнуться. Но без малого 100 лет назад убили не просто семью – убили царскую семью, пытаясь покончить с тысячелетней исторической Россией. О том, как шаг за шагом, день за днем шли «пламенные революционеры» к этому беспрецедентному преступлению, рассказывает книга следователя по делу об убийстве Романовых Н.А. Соколова. Это расследование стало делом всей жизни одного из самых опытных сыщиков России. Соколов скрупулезно и дотошно изучал мельчайшие детали, которые могли бы раскрыть истинный ход событий. К сожалению, сам он погиб в эмиграции при странных обстоятельствах, а собранные им документы бесследно исчезли.

УДК 94(47)"1918"
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-906861-09-2

© Соколов Н. А., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

Предисловие	6
От автора	8
Организация расследования	9
Глава I	11
Глава II	16
Глава III 11	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Николай Соколов

Убийство царской семьи

Предисловие

Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным; и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу.

Марк. 4.22

Эта книга посвящена одной из трагических страниц нашей истории: расстрелу без суда и следствия последнего российского императора Николая II и его семьи на Урале летом 1918 г.

Первые публикации на эту тему появились в двадцатых годах. Это книги М. К. Дитерихса, Р. Вильтона, Н. А. Соколова, П. Жильяра и других авторов, основывающиеся на первоисточниках, полученных в ходе следствия по делу расстрела Романовых и личных наблюдений. В нашей стране эти книги с момента их появления сразу же стали достоянием специальных хранилищ. В СССР основным документом стал небольшой сборник «Рабочая революция на Урале», составленный П. М. Быковым и опубликованный в Екатеринбурге в 1921 г., и его же, Быкова, книга, вышедшая в 1926 г. под названием «Последние дни Романовых». И на этих книгах вскоре появляется гриф «совершенно секретно». Интерес в народе к этой трагической теме никогда не угасал и усилился в последние годы в связи с преобразованиями в России. Потребность в правде и объясняет появление столь многочисленных свидетельств и документов, доступа к которым мы были лишены столько лет.

Основными документами об убийстве царской семьи в течение долгого времени являлись материалы расследования Н. А. Соколова и воспоминания генерала М. К. Дитерихса.

...Белые взяли Екатеринбург 25 июля 1918 г., через неделю после расстрела царской семьи и свиты. Решено было провести расследование. С трудом нашли следователя, некоего А. Наметкина, который и приступил к «Предварительному следствию по делу об убийстве бывшего императора Николая II». Через неделю исполнявший обязанности прокурора Екатеринбургского окружного суда Кутузов, считая, что А. Наметкин ведет расследование недостаточно энергично, отстраняет его и передает дело в руки молодого и, увы, не очень опытного следователя И. А. Сергеева. М. К. Дитерихс пишет: «Если Наметкин отличался ленью и апатичностью к своим обязанностям, то Сергеев в произведенной работе выказал полное отсутствие самого скромного таланта следователя и абсолютное непонимание следственной профессиональности». И. Сергеева отстранили от ведения дела 25 января 1919 г. Через месяц следствие об убийстве царской семьи было передано генералом М. К. Дитерихсом судебному следователю по особо важным делам Омского окружного суда Н. А. Соколову.

Николай Алексеевич Соколов родился в 1882 г. в Пензенской губернии. Окончил юридический факультет Харьковского университета. Революция застала его в должности судебного следователя по важнейшим делам в Пензе. Переодевшись крестьянином, Соколов пешком пробрался в Сибирь. Он получил назначение на должность судебного следователя по особо важным делам Омского окружного суда, и ему вскоре было поручено следствие об убийстве царской семьи. Основываясь на многочисленных свидетельствах, а также предметах, найденных на месте преступления и рядом с местом захоронения Романовых, Соколов почти точно восстановил ход развития событий. После гибели А. В. Колчака Соколов выбрался в Европу и осел в Париже. Он продолжал опрашивать всех, кто мог добавить что-то новое к его расследованию и, в конце концов, написал книгу «Убийство царской семьи». В 1924 г. Соколова нашли мертвым около своего дома. На его могиле друзья написали:

«Правда Твоя – Правда Во Веки»

Материалы Н. А. Соколова органично дополняет книга М. К. Дитерихса, сыгравшего важную роль в расследовании убийства царской семьи. Генерал тщательно следил за ходом следствия и всячески помогал Соколову. В 1922 г., во Владивостоке он издал книгу «Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале».

Михаил Константинович Дитерихс родился в 1874 г. В 1900 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба. С осени 1917 г. генерал-квартирмейстер Ставки, Верховного Главнокомандующего, а с ноября – начальник штаба Ставки. У адмирала А. В. Колчака Дитерихс командовал Сибирской армией, а затем Восточным фронтом. Умер он в Шанхае в 1937 г.

К этим работам примыкает публикация бывшего воспитателя Наследника Престола Алексея – Пьера Жильяра (мы печатаем две главы из его книги «Император Николай II и его семья»). Трагический конец русского царя и его семьи он наблюдал как бы со стороны и прибыл в Екатеринбург только после взятия его белыми. П. Жильяр посетил места, связанные с трагедией, собрал богатую информацию и многочисленные вещественные доказательства о кровавых событиях тех дней.

В книге также публикуются различные документы, относящиеся к этому чудовищному по своему зверству и цинизму убийству бывшего императора, его семьи и свиты. Связь между руководством большевистской партии в Москве, санкционировавшим убийство, и Уральским Советом, определившим время и способ убийства, была позднее описана Троцким.

«Я вернулся в Москву после падения Екатеринбурга. Зайдя к Свердлову, я спросил его мимоходом: «Да, кстати, а что с царем?» – «Все кончено, – ответил Свердлов, – он расстрелян». – «А где семья?» – «И семья вместе с ним». – «Все?» – спросил я с оттенком удивления. «Все, – ответил Свердлов. – А что?» Он хотел увидеть мою реакцию. Я ничего не ответил. «А кто принял решение?» – обратился я к нему. «Мы решили это здесь. Ильич считал, что мы не должны оставлять белым знамя, которым бы они везде размахивали, особенно в теперешних трудных условиях».

Я не стал больше задавать вопросов и счел дело закрытым, – пишет далее Троцкий. – Конечно, это решение было не только целесообразным, но и необходимым. Серьезность положения в это лето заставляла нас вести беспощадную борьбу, не останавливаясь ни перед чем. Казнь царя и его семьи была необходима не только для того, чтобы запугать, ужаснуть и лишить всяких надежд врага, но и для того, чтобы сомкнуть наши ряды и показать, что дороги назад нет, что впереди или окончательная победа, или полное поражение... Ленин чувствовал это очень хорошо».

От автора

Мне выпало на долю производить расследование об убийстве Государя Императора Николая II и его семьи.

В пределах права я старался сделать все возможное, чтобы найти истину и соблюсти ее для будущих поколений.

Я не думал, что мне самому придется говорить о ней, надеясь, что ее установит своим авторитетным приговором русская национальная власть. Но суровая действительность не сулит для этого благоприятных условий в близком будущем, а неумолимое время кладет на все свою печать забвения.

Я отнюдь не претендую, что мне известны все факты и через них вся истина. Но до сего времени она мне известна более, чем кому-либо.

Скорбные страницы о страданиях Царя говорят о страданиях России. И, решившись нарушить обет моего профессионального молчания, я принял на себя всю тяжесть ответственности в сознании, что служение закону есть служение благу народа.

Знаю, что в этом исследовании на многие вопросы не найдет ответов пытливый ум человеческий: оно по необходимости ограничено, ибо основной его предмет – убийство.

Но потерпевший от преступления – носитель власти верховной, правивший многие годы одним из могущественнейших народов.

Как и всякий факт, оно свершилось в пространстве и времени и, в частности, в условиях величайшей борьбы народа за свою судьбу.

Оба эти фактора: личность потерпевшего и реальная действительность, в условиях которой свершилось преступление, – придают ему особый характер: явления исторического.

«Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу»¹.

Никакой исторический процесс немыслим вне представлений прошлого. В этом нашем прошлом – тяжкое злодеяние: убийство Царя и его семьи. Правдивым рассказом я полагал бы послужить моему родному народу.

Поэтому и, помня слова великого русского историка, я старался, как ни соблазнительно ярко порой были мои личные воспоминания пережитого, излагать факты, основываясь исключительно на данных строгого юридического расследования.

Надо сначала знать, как оно было построено.

Организация расследования

25 июля 1918 года² г. Екатеринбург, где содержалась в заключении царская семья, был взят от большевиков войсками Сибирской армии и чехами.

30 июля того же года началось судебное расследование. Оно возникло у судебного следователя по важнейшим делам Екатеринбургского окружного суда Наметкина³ в обычном законном порядке: в силу предложения, данного прокурором суда 30 июля за № 131.

7 августа 1918 года Екатеринбургский окружной суд в общем собрании своих отделений поставил освободить Наметкина от дальнейшей работы по делу и возложить ее на члена суда Сергеева.

Такая передача была вызвана, с одной стороны, поведением самого Наметкина, с другой – обстановкой того времени.

Пред лицом фактов, указывавших на убийство, если не всей царской семьи, то по крайней мере самого Императора, военная власть, единственно обеспечивавшая порядок в первые дни взятия Екатеринбурга, предъявила Наметкину, как следователю по важнейшим делам, решительное требование начать немедленно расследование.

Опираясь на букву закона, Наметкин заявил военной власти, что он не имеет права начинать следствия и не начнет его, пока не получит предложения от прокурора суда, каковой в первые дни освобождения Екатеринбурга отсутствовал.

Поведение Наметкина вызвало большое негодование по его адресу и в военной среде, и в обществе. В чистоту его беспредельного уважения к закону не верили. Одни обвиняли его в трусости перед большевиками, продолжавшими грозить Екатеринбургу, другие шли в своих подозрениях дальше.

Естественным выходом из создавшегося положения была бы передача дела судебному следователю по особо важным делам, в участок которого входил Екатеринбург, но Казань, где проживал этот следователь, была отрезана от Екатеринбурга большевиками.

По предложению прокурора суд передал дело члену суда Сергееву, что в некоторых случаях разрешалось специальным законом.

В первые месяцы, когда Сергеев вел свою работу, вся свободная от большевиков территория России от Волги до океана представляла собой конгломерат правительств, еще не объединившихся в одно целое. Такое объединение произошло 23 сентября 1918 года в Уфе, где для всей этой территории возникло одно правительство в лице директории из пяти лиц.

18 ноября 1918 года верховная власть сосредоточилась в руках Верховного правителя адмирала Колчака.

17 января 1919 года за № 36 адмирал дал повеление генералу Дитерихсу, бывшему главнокомандующему фронтом, представить ему все найденные вещи царской семьи и все материалы следствия.

Постановлением от 25 января 1919 года член суда Сергеев, в силу повеления Верховного правителя как специального закона, выдал Дитерихсу подлинное следственное производство и все вещественные доказательства.

Передача была совершена в строго юридическом порядке в присутствии прокурора суда В. Ф. Иорданского.

В первых числах февраля месяца генерал Дитерихс доставил все материалы в г. Омск в распоряжение Верховного правителя.

Вышей власти представлялось опасным оставлять дело в общей категории местных «екатеринбургских» дел, хотя бы уже по одним стратегическим соображениям. Казалось необходимым принятие особых мер для охраны исторических документов.

Кроме того, дальнейшее нахождение дела у члена суда не оправдывалось уже задачами работы, выяснилась необходимость допросов весьма многих лиц, рассеянных по всей территории Сибири и дальше, а член суда прикован к своему суду.

Наконец, самая передача дела Сергееву, являвшаяся компромиссом, противоречила основному закону, возлагавшему производство предварительных следствий на особый технический аппарат судебных следователей.

5 февраля меня вызвал к себе адмирал. Я был приглашен им как следователь по особо важным делам при Омском окружном суде. Он приказал мне ознакомиться с материалами следствия и представить ему мои соображения о дальнейшем порядке расследования.

6 февраля я защищал перед адмиралом следующий порядок:

1. Расследование должно быть построено на началах закона, как это делалось и до сего момента: устава уголовного судопроизводства.

2. К нему должны быть привлечены в достаточном количестве судебные следователи, ибо оно недоступно физическим силам одного лица.

3. Во главе расследования должна стоять не коллегиальная, а единоличная авторитетная власть. Она представлялась мне в лице сенатора с опытом в следственной технике.

Но суровая действительность была жестока к нам. В далекую Сибирь не пришли такие сенаторы. Отсутствовали и рядовые техники, так как Сибирь почти не знала института судебных следователей. Иные боялись связать свою судьбу с опасным делом.

При вторичном свидании в тот же день 6 февраля адмирал сказал мне, что он решил сохранить обычный порядок расследования и возложить его на меня.

7 февраля я получил предложение министра юстиции о производстве предварительного следствия и в тот же день принял от генерала Дитерихса все акты следствия и вещественные доказательства.

3 марта, перед моим отъездом к фронту, адмирал нашел необходимым оградить свободу моих действий особым актом. Он принял лично на себя моральную заботу о деле и указал в этом акте, что следствие, порученное мне в законном порядке, имеет источником его волю. Эту заботу он проявлял до самого конца.

После его гибели я прибыл в Европу, где моя работа заключалась в допросах некоторых свидетелей.

Я указал в главных чертах основание, на котором было построено судебное расследование, имея в виду укоренившееся в обществе ошибочное представление об этой стороне дела и, в частности, о роли в нем генерала Дитерихса.

К моему прискорбию, он и сам не удержался на высоте исторического беспристрастия и в своем труде объявил себя высшим «руководителем» следствия.

Это неправда. Генерал Дитерихс, пользовавшийся в военной среде уважением и авторитетом, оберегал работу судебного следователя более, чем кто-либо. Ему более, чем кому-либо, обязана истина. Но ее искала не военная, а судебная власть, имевшая своим источником волю Верховного правителя. И, конечно, генерал Дитерихс работой судебного следователя никогда не руководил и не мог руководить, хотя бы по той простой причине, что дело следователя, как его столь правильно определил великий Достоевский, есть свободное творчество.

Я излагаю результаты преемственного судебного расследования. В основе его лежит закон, совесть судьи и требования науки права.

Глава I

Ставка в дни переворота. Арест государя

Когда началась февральская смута, царская семья была разделена: Государь был в Могилеве, где находилась Ставка, Государыня с детьми – в Царском.

Сопоставляя показания свидетелей: генерала Дубенского⁴, находившегося в те дни при Государе, и генерала Лукомского⁵, занимавшего тогда должность генерал-квартирмейстера Верховного Главнокомандующего, а также опубликованные последним документы и воспоминания⁶, представляется возможным констатировать следующие факты.

8 марта Государь отбыл из Царского в Ставку, куда прибыл днем 9 марта.

10 марта там впервые была получена телеграмма военного министра Беляева, извещавшая, что на заводах в Петрограде объявлена забастовка и что среди рабочих, на почве недостатка в продуктах, начинаются беспорядки.

В тот же день Беляев вторично телеграфировал, что рабочее движение вышло на улицу и разрастается.

Обе телеграммы он сопровождал указаниями, что опасности нет, что беспорядки будут прекращены.

11 марта тот же Беляев и главный начальник Петроградского военного округа генерал Хабалов доносили телеграфно, что в некоторых войсковых частях были отказы употреблять оружие против рабочих, к которым присоединяется чернь.

Беляев продолжал успокаивать, что приняты все меры к прекращению беспорядков. Хабалов же просил о присылке подкреплений, указывая на ненадежность петроградского гарнизона.

11 марта была получена впервые телеграмма председателя Государственной Думы Родзянко. Он сообщал, что солдаты арестовывают офицеров и переходят на сторону рабочих и черни, что необходима присылка в Петроград надежных частей.

Вечером в тот же день и утром 12 марта от Родзянко были получены на имя Государя Императора еще две телеграммы. В них указывалось, что единственная возможность водворения порядка – Высочайший манифест об ответственности министров перед Государственной Думой, увольнение в отставку всех министров и формирование нового кабинета лицом, пользующимся общественным доверием.

12 марта, около 12 часов дня, генерала Алексеева вызвал к прямому проводу Великий князь Михаил Александрович. Он подтверждал сведения, сообщенные Родзянко, поддерживал необходимость указанных им мер и называл имена Родзянко и князя Львова как тех людей, которым следовало бы поручить составление кабинета.

Несколько позже в тот же день была получена телеграмма от председателя Совета Министров князя Голицына. Она была аналогична с указаниями Родзянко и Великого князя. В ней говорилось также, что нахождение у власти министра внутренних дел Протопопова вызывает всеобщее негодование.

В результате телеграмм Беляева, Хабалова и Родзянко по повелению Государя генерал Алексеев телеграфировал 12 марта главнокомандующим Северного и Западного фронтов приготовить к отправлению в Петроград некоторые воинские части. Генерал-адъютанту Иванову было приказано принять на себя руководство подавлением мятежа.

Великому князю Михаилу Александровичу Государь ответил через генерала Алексеева, что он благодарит его за совет, но что он сам знает, как ему следует поступить.

По поводу телеграммы князя Голицына Государь сказал Алексееву, что ответ на нее он составит сам.

После этого Государь около часа говорил по телефону с Императрицей, а затем вручил генералу Лукомскому собственноручно написанную им телеграмму на имя князя Голицына.

Государь указывал в ней, что при создавшейся обстановке он не находит возможным производить какие-либо перемены в составе Совета Министров и требует подавления революционного движения и бунта среди войск.

Генерал Лукомский отправился с этой телеграммой к генералу Алексееву. Последний пытался склонить Государя к уступкам, на которые указывали Родзянко, Великий князь Михаил Александрович и князь Голицын. Его попытка успеха не имела, и телеграмма Голицыну была отправлена.

Свидетель Лукомский сознается на следствии, что в эти дни 10 и 11 марта в Ставке не придавали серьезного значения событиям в Петрограде.

Свидетель Дубенский, имевший возможность видеть в эти дни Государя, показывает: «Он был покоен и ничем положительно не проявлял и тени беспокойства».

Оно пришло только 12 марта. Но, как видно из показания свидетеля полковника Энгельгарда⁷, первого председателя революционного штаба Государственной Думы, смута в Петрограде к 12 марта приняла уже организованный характер: в этот день между 3 и 5 часами дня возник «Комитет Государственной Думы» и появилась уже «Военная комиссия» этого комитета, председателем которой в первые дни и был Энгельгард.

Ранним утром 13 марта Государь отбыл в Царское, следуя по маршруту Могилев – Орша – Смоленск – Лихославль – Бологое – Тосна. Впереди шел свитский поезд; в расстоянии часа езды от него – поезд Государя. В пути в свитском поезде стало известно, что в Петрограде возникла революционная власть, и ею отдано распоряжение направить поезд Государя не в Царское, а в Петроград. Об этом было дано знать в поезде Государя, и оттуда последовало распоряжение ехать в Царское. Но узловые пункты Любань и Тосна были заняты революционными войсками. Государь принял решение ехать в Псков.

Там 15 марта последовало отречение Императора.

Поздно вечером 16 марта Государь возвратился в Могилев, куда на следующий день прибыла Государыня Императрица Мария Федоровна.

Государь прощался с чинами штаба. Вечером 20 марта он собственноручно составил свое прощальное обращение к Русской армии, датированное им 21 марта.

Как известно, революционная власть запретила его распространение.

В дальнейших целях моего расследования я привожу его содержание полностью:

«В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения Моего за Себя и за Сына Моего от Престола Российского власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. В продолжение двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы. Кто думает теперь о мире, кто желает его – тот изменник Отечеству, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестную нашу Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайте ваших начальников. Помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу. Твердо верю, что не угасла в наших сердцах беспредельная любовь к нашей великой Родине. Да благословит вас Господь Бог, и да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий».

В эти последние дни пребывания Государя в Ставке, как показывает свидетель Дубенский, генерал Алексеев вел переговоры с Временным правительством о свободном проезде его в Царское, свободном там пребывании и свободном отъезде за границу через Мурман.

Свидетель Лукомский показал на следствии, что Временное правительство гарантировало свободу Императору и отъезд его с семьей за границу.

21 марта в Могилев прибыли члены Государственной Думы Бубликов, Вершинин, Грибунин и Калинин. В ставке ждали их, думая, что они командированы Временным правительством «сопровождать» Императора в Царское. Но когда Государь сел в поезд, эти лица объявили ему через генерала Алексеева, что он арестован.

Отъезд Императора из Ставки состоялся 21 марта. Свидетель Дубенский показывает: «Государь вышел из вагона Императрицы-матери и прошел в свой вагон. Он стоял у окна и смотрел на всех, провожавших его. Почти против его вагона был вагон Императрицы-матери. Она стояла у окна и крестила сына. Поезд пошел. Генерал Алексеев отдал честь Императору, а когда мимо него проходил вагон с депутатами, он снял шапку и низко им поклонился».

Царское в дни переворота

Что происходило в эти дни в Царском?

Эта обстановка достаточно подробно выяснена на следствии показаниями лиц, окружавших в те дни Императрицу и детей: воспитателя Наследника Цесаревича Жильера, камер-юнгфер Государыни Занотти и Тутельберг, няни детей Теглевой, ее помощницы Эрсберг и камердинера Государыни Волкова⁸.

В первые дни смуты Императрица была вынуждена уделять много внимания детям, постепенно заболевавшим корью.

Первым заболел Наследник Цесаревич. 7 марта он был уже в постели с температурой 38,3. Постепенно болезнь захватила всех Великих княжон и протекала у них весьма бурно при температуре 40,5. У Марии Николаевны и Анастасии Николаевны она впоследствии осложнилась воспалением легких.

О событиях, происходивших в Петрограде, Императрица осведомлялась преимущественно докладами министра внутренних дел Протопопова.

Будучи занята детьми, она принимала эти доклады от Протопопова по телефону через своего камердинера Волкова.

Общий тон этих докладов был лжив. Протопопов преуменьшал значение событий и уверял Императрицу, что он «не допустит ничего серьезного». Когда же движение приняло грозный характер, он растерялся, струсил и вынужден был сознаться, что «дела плохи».

Благодаря Протопопову Императрица не имела правильного представления о характере движения. Когда даже камердинер Волков, передавая очередной доклад Протопопова, усомнился и указал Императрице, что он не соответствует действительности, что даже казаки в Петрограде ненадежны, она спокойно ответила Волкову:

«Нет, это не так. В России революции быть не может. Казаки не изменят».

Представляется совершенно очевидным, ввиду данных следствия, что такое состояние Императрицы, обусловленное Протопоповым, совпадало по времени как раз с пребыванием в Ставке Императора. И я не питаю сомнений, что ответная телеграмма князю Голицыну, содержание которой было несомненно известно заранее Императрице, была составлена под воздействием на нее Протопопова.

Когда грозные факты встали воочию перед Императрицей, а связь с Государем была порвана, в душе ее родилась тревога. Чувствуя свое одиночество, она позвала к себе Великого князя Павла Александровича. Этот факт сам по себе знаменателен для понимания ее настроения. После смерти Распутина Павел Александрович, по личному приказанию Императрицы, не мог появляться во дворце. Теперь она сама звала его.

Она пыталась бороться с событиями и не верила слухам об отречении Государя, считая их провокационными.

В конце концов она пришла, видимо, к выводу о необходимости некоторых уступок и пыталась снестись письменно с Императором. Эта попытка не имела успеха и являлась уже запоздалой: Государь отрекся от Престола.

Мужество и наружное спокойствие не покинуло Императрицу не только в первые дни смуты, но и после отречения Императора.

Свидетели показывают:

Эрсберг: «Она была очень выдержанна и держала себя в руках. Она, видимо, не теряла надежды на лучшее будущее. Я помню, что, когда она увидела меня плачущей после отречения Государя, она утешала и говорила, что народ одумается, призовет Алексея, и все будет хорошо».

Волков: «К событиям и самому отречению Государя она относилась спокойно, проявляя мужество и выдержку».

Занотти: «Наружно она владела собой».

Жильяр: «Когда она узнала об отречении, она держала себя в руках, сохраняя спокойствие».

Арест Государыни. Прибытие Государя.

Их встреча

Арест Государыни произошел в тот же день, как и арест Государя, – 21 марта.

Он был выполнен генералом Л. Корниловым, бывшим тогда в должности командующего войсками Петроградского военного округа.

При этом аресте присутствовало только одно лицо: новый начальник царскосельского караула полковник Кобылинский, назначенный к этой должности Корниловым⁹.

Государыня приняла их в одной из комнат детской половины. Корнилов сказал ей: «Ваше Величество, на меня выпала тяжелая задача объявить Вам постановление Совета Министров, что Вы с этого часа считаетесь арестованной».

После этих кратких слов Корнилов представил Государыне Кобылинского. Затем он приказал ему удалиться и оставался наедине с ней около 5 минут.

Указанные выше свидетели, осведомленные об этом от Государыни и детей, показали, что, оставшись с Императрицей наедине, Корнилов старался успокоить ее и убеждал, что семье не грозит ничего худого.

Затем Корнилов собрал находившихся во дворце лиц и объявил им, что все, кто хочет остаться при царской семье, должны впредь подчиняться режиму арестованных.

В тот же день произошла смена караула. Сводный полк, охранявший дворец, ушел. Его заменил лейб-гвардии Стрелковый полк.

22 марта прибыл Государь.

Его встречал на платформе вокзала полковник Кобылинский. Он показывает: «Государь вышел из вагона и очень быстро, не глядя ни на кого, прошел по перрону и сел в автомобиль. С ним был гофмаршал князь Василий Александрович Долгоруков. Ко мне же на перроне подошли двое штатских, из которых один был член Государственной Думы Вершинин, и сказали мне, что их миссия окончена: Государя они передали мне. В поезде с Государем ехало много лиц. Когда Государь вышел из вагона, эти лица посыпались на перрон и стали быстро-быстро разбегаться в разные стороны, озираясь по сторонам, видимо, проникнутые чувством страха, что их узнают. Прекрасно помню, что так удирал тогда генерал-майор Нарышкин и, кажется, командир железнодорожного батальона генерал-майор Цабель. Сцена эта была весьма некрасивая».

Ворота дворца были заперты, когда подошел автомобиль Государя. Солдат, стоявший здесь, не открывал их и ждал дежурного офицера. Тот крикнул издали: «Открыть ворота быв-

шему Царю!» Многие наблюдали эту сцену прибытия Государя. Свидетельница Занотти показывает: «Я прекрасно помню позу офицера (дежурного). Он хотел обидеть Государя: он стоял, когда Государь шел мимо него, имея во рту папиросу и держа руку в кармане».

На крыльцо вышли другие офицеры. Они все были в красных бантах. Ни один из них, когда проходил Государь, не отдал ему чести. Государь отдал им честь.

Государыня спешила навстречу ему. Но он предупредил ее и встретился с ней на детской половине. При этой встрече присутствовал только камердинер Волков. Он показывает: «С улыбочкой они обнялись, поцеловались и пошли к детям».

Позднее, оставшись друг с другом, они плакали. Это видела комнатная девушка Государыни Демидова, погибшая вместе с царской семьей. Она рассказывала об этом другим, оставшимся в живых.

Глава II

Мотивы ареста Государя и Государыни

Постановление Временного правительства о лишении свободы Государя и Государыни состоялось 20 марта. В нем не указано мотивов принятия такой меры.

Я пытался вскрыть их допросами трех лиц: главы Временного правительства, председателя Совета Министров князя Львова, министра юстиции в его составе Керенского и министра иностранных дел Милюкова¹⁰.

Князь Львов показал: «Временное правительство не могло, конечно, не принять некоторых мер в отношении главы государства, только что потерявшего власть. Эта мера, принятая в отношении Императора и его супруги по постановлению Временного правительства, состояла в лишении их свободы. Я бы сказал, что принятие ее в тот момент было психологически неизбежным, вызываясь всем ходом событий. Нужно было оградить бывшего носителя верховной власти от возможных эксцессов первого революционного потока».

Кроме этой причины лишения свободы Их Величеств князь Львов указал еще и другую: «Временное правительство было обязано, ввиду определенного общественного мнения, тщательно и беспристрастно обследовать поступки бывшего Царя и Царицы, в которых общественное мнение видело вред национальным интересам страны, как с точки зрения интересов внутренних, так и внешних, ввиду войны с Германией».

Керенский показал: «Николай II и Александра Федоровна были лишены свободы по постановлению Временного правительства, состоявшемуся 20 марта. Было две категории причин, которые действовали в этом направлении. Крайне возбужденное настроение солдатских тыловых масс и рабочих петроградского и московского районов было крайне враждебно Николаю. Вспомните мое выступление 20 марта в пленуме Московского Совета. Там раздались требования казни его, прямо ко мне обращенные. Протестуя от имени правительства против таких требований, я сказал лично про себя, что я никогда не приму на себя роли Марата. Я говорил, что вину Николая перед Россией рассмотрит беспристрастный суд. Самая сила злобы рабочих масс лежала глубоко в их настроениях. Я понимал, что дело здесь гораздо больше не в самой личности Николая II, а в идее «царизма», пробуждавшей злобу и чувство мести... Вот первая причина, побудившая Временное правительство лишить свободы Царя и Александру Федоровну. Правительство, лишая их свободы, создавало этим охрану их личности. Вторая группа причин лежала в настроениях иных общественных масс. Если рабоче-крестьянские массы были равнодушны к направлению внешней политики Царя и его правительства, то интеллигентско-буржуазные массы и, в частности, высшее офицерство определенно усматривали во всей внутренней и внешней политике Царя и в особенности в действиях Александры Федоровны и ее кружка ярко выраженную тенденцию развала страны, имевшего в конце концов целью сепаратный мир и содружество с Германией. Временное правительство было обязано обследовать действия Царя, Александры Федоровны и ее кружка в этом направлении.

Постановлением Временного правительства от 17 марта 1917 года была учреждена Верховная чрезвычайная следственная комиссия, которая должна была обследовать деятельность носителей высшей власти старого строя и всех вообще лиц, приковывавших к себе внимание общества своими действиями во вред интересам страны.

Эта комиссия и должна была обследовать также роль Николая, Александры Федоровны и ее кружка.

Необходимость такого обследования указывалась в самых мотивах постановления Временного правительства об учреждении комиссии. Для того чтобы эта комиссия могла выполнить ее обязанности, необходимо было принять известные меры пресечения в отношении

Николая и Александры Федоровны. Эта необходимость и была второй причиной лишения их свободы».

Милюков показал: «Мне абсолютно не сохранила память ничего о том, как, когда состоялось решение вопроса об аресте Царя и Царицы. Я совершенно ничего не помню по этому вопросу. Представляя себе вообще характер событий того времени, мне кажется, что Временное правительство, по всей вероятности, санкционировало известную меру, предложенную ему Керенским. В то время некоторые заседания правительства происходили секретно, и журналы таких заседаний не велись. Вероятно, в такой же форме состоялось и решение самого вопроса».

Инструкция Керенского для царской семьи.

Режим

Лишение свободы Их Величеств создало для них особый уклад жизни.

Кто установил его?

Керенский показал на следствии: «Установление известного режима в отношении Николая II, его жены и всех вообще лиц, которые пожелали остаться с ними, было возложено Временным правительством на меня. Мне же принадлежало и наблюдение за выполнением режима... Согласно воле Временного правительства я выработал инструкцию, которая устанавливала самый режим в Царском, и передал ее для руководства Коровиченко» (коменданту дворца).

Инструкция вводила следующие ограничения:

1. Царская семья и все, кто остался с ней, были изолированы от внешнего мира.
2. Заключенные пользовались правом передвижения только в пределах дворца.
3. Для прогулок были отведены особые места в парке, специально для этого огороженные.

Во время прогулок узники окружались караулом.

4. Богослужения совершались в дворцовой церкви.
5. Всякие свидания с заключенными были абсолютно запрещены и могли быть допущены только с согласия Керенского.
6. Вся переписка подвергалась цензуре коменданта дворца.
7. Дворец и парк были оцеплены караулами солдат.
8. Существовало двойное наблюдение за жизнью заключенных: наружное, принадлежавшее начальнику караула, и внутреннее, принадлежавшее коменданту дворца.

Кроме этих общих мер были приняты еще две, направленные, главным образом, на особу Императора.

Первая состояла в отобрании у Императора его различных документов по требованию Чрезвычайной следственной комиссии, что имело место в мае – июне.

Вторая мера состояла в ограничении свободы Императора и внутри дворца. Он был отделен на некоторое время от Государыни и виделся с нею под наблюдением дежурного офицера, в присутствии всей семьи и приближенных только за столом. Позволялось в это время вести беседы лишь на общие темы. По этому поводу Керенский показал на следствии: «Эта мера была принята лично мною, по моей инициативе, после одного из докладов, сделанных мне по их делу следственной комиссией. Имелся в виду возможный допрос их комиссией. В целях беспристрастного расследования я признал необходимым произвести это отделение. Николаю II об этом я объявил сам лично. Александре Федоровне было объявлено об этой мере Коровиченко по моему приказанию... Такой порядок был установлен мною, кажется, в первых числах июня и существовал приблизительно с месяц. Затем надобность в нем исчезла, и он был отменен».

Жизнь царской семьи после отречения Императора – это состояние ареста. В основе его лежала, главным образом, мысль получить таким способом возможность найти «вину» Царя и Царицы перед Родиной.

Глава III¹¹

Жизнь заключенной семьи в Царском. Экцессы революционной среды

Эта идея создала основной фон жизни царской семьи в период ее пребывания в Царском. На этой почве вырастали многие эксцессы, порождая для семьи неведомые ей дотоле переживания.

Строгость режима, установленного Керенским, показалась некоторым из господ революционных офицеров недостаточной. Они потребовали от полковника Кобылинского, чтобы вся царская семья ежедневно предьявлялась им. Упадок дисциплины, моральная распущенность и мещанское любопытство прикрывались здесь соображениями, что семья может бежать. Кобылинский долго боролся с такими домогательствами, но в конце концов он должен был сделать доклад генералу П. А. Половцеву, сменившему Корнилова. Требование офицеров было удовлетворено в несколько смягченной форме: ежедневно, когда царская семья выходила к завтраку, в столовую являлись два офицера: кончавший дежурство и вступавший в него. Однажды, когда оба офицера явились к царской семье, Государь простился с офицером, уходившим с дежурства, и, по своему обыкновению, протянул руку его заместителю. Тот отступил назад и не принял ее. Государь подошел к нему, взял его за плечи и, заметно волнуясь, сказал: «Голубчик, за что?» Офицер ответил: «Я – из народа. Когда народ протягивал вам руку, вы не приняли ее. Теперь я не подам вам руки». Этот офицер гордился впоследствии своим поступком. Его фамилия Ярынич.

При полном безвластии того времени царскосельский совдеп также вмешивался в жизнь семьи и «делегировал» в помощь Кобылинскому своего человека: армянина Домодзянца в чине прапорщика. «Глупый, грубый и нахальный», по свидетельству Кобылинского, он упорно стремился проникнуть во дворец в роли начальствующего лица. Когда это не удалось, он начал подкарауливать царскую семью в парке и, как мог, отравлял ее жизнь. О нем упоминает в своем дневнике Наследник Цесаревич и бранит его метким русским словом. Как и Ярынич, он также не принял однажды руки Государя.

Подобные случаи повторялись неоднократно и, как видно из показаний свидетелей, особенно тяжело отражались на состоянии детей, вызывая у них чувство оскорбления, душевного возмущения.

Один из офицеров, студент университета, не известный мне по фамилии, особенно старался проявить свою бдительность по охране и обыкновенно ни на шаг не отходил от семьи во время прогулок в парке. Идя однажды сзади Государя, он буквально стал наступать ему на пятки. Взмахом трости назад Государь был вынужден охладить пыл революционера-охранника.

Подобное поведение некоторых из офицеров, а иногда и прямая агитация таких, как Домодзянец, развращали солдат. Они также старались проявить собственную инициативу в деле охраны и переходили границы всякой пристойности. Во время прогулок они не отходили от семьи, подсаживались к Императрице, разваливались в непринужденных позах, курили и вели неприятные для нее речи.

Однажды они увидели в руках Наследника его маленькую винтовку. Это была модель русской винтовки, сделанная для него одним из русских оружейных заводов, ружье-игрушка, совершенно безвредная ввиду отсутствия специальных для нее патронов. Солдаты усмотрели опасность и через офицера потребовали обезоружить Наследника. Мальчик разрыдался и

долго горевал, пока полковник Кобылинский тайно от солдат не передал ему ружья по частям, в разобранном виде.

Когда дети поправлялись после болезни, семья собралась как-то вся вместе и проводила вечер за чтением. В комнату вошли солдаты и заявили, что отсюда идут сношения с внешним миром путем световой сигнализации. Это одна из Княжон, занимаясь рукоделием, машинально покачивалась из стороны в сторону. Ее тень и была принята за сигнализацию.

Солдаты входили во внутренние покои дворца, где не было никаких постов, рассматривали обиход семьи, высказывая невежественные, лживые и грубые суждения.

Иногда поступки их были лишены всякого смысла, носили чисто хулиганский характер. В парке жили дикие козы. Один из солдат, стоя на часах, застрелил одну. Он подвергся репрессии. Но когда он снова стоял на том же посту, он застрелил другую.

Склонность революционных солдат к воровству была немалая. Часовые взламывали хранилища с царскими вещами, находившиеся вне комнат дворца, забирались в кладовые, похищали провизию.

Были в составе охраны и иные люди, как среди офицеров, так и среди солдат. Они совсем иначе относились к царской семье, но делали они это тайно, боясь обнаружить свои чувства.

Царская семья и приближенные

Мученичество Царя порождала не одна только революционная среда. Я погрешил бы перед истиной, если бы умолчал о некоторых лицах, издавна окружавших Царя и пользовавшихся его милостями.

В числе других людей наиболее близкими к Царю до его отречения от Престола были: начальник походной канцелярии Нарышкин, начальник конвоя граф Граббе, флигель-адъютант Мордвинов, флигель-адъютант герцог Н. Н. Лейхтенбергский, флигель-адъютант Н. П. Саблин, заведовавший делами Государыни граф Апраксин.

Мы видели, как уходил Нарышкин из поезда Царя, прибыв вместе с ним в Царское. Перед отъездом Царя в Тобольск ему была дана возможность взять с собой несколько человек по его личному выбору. Он выбрал Нарышкина. Когда последнему было объявлено желание Государя, он попросил 24 часа на размышление. Государь не стал ждать конца его размышлений и выбрал И. Л. Татищева.

Прибыв во дворец 22 марта, Государь ждал, что к нему не замедлят явиться Мордвинов и герцог Лейхтенбергский. Они не ехали. Он справился о них у камердинера Волкова. Тот пошел к обер-гофмаршалу графу Бенкендорфу. «Доложи, – сказал Бенкендорф, – не приехали и не приедут».

В показании Волкова значится: «Государь не подал никакого вида и только сказал: «Хорошо». А Мордвинов был одним из самых любимых флигель-адъютантов. Таким же любимым флигель-адъютантом был Саблин. Когда в дни переворота к дворцу стали стягивать войска и пришел гвардейский экипаж, в составе которого находился Саблин, я видел почти всех офицеров экипажа. Но Саблин не явился и больше не показался царской семье».

Граф Апраксин был во дворце, когда генерал Корнилов арестовал Государыню. Он остался в числе добровольно арестованных, но через несколько дней ушел.

Граф Граббе тайно скрылся, бежал не только от семьи, но и от своей службы.

Свидетели показали:

Кобылинский: «Самоотвержения графа Апраксина хватило всего-навсего дня на три, не больше. Он очень скоро подал заявление и просил его выпустить, так как-де все дела здесь, во дворце, он кончил».

Теглева: «Многие изменили им... Граф Апраксин ушел от них, убежал начальник конвоя граф Граббе. Забыл их близкий Государю человек, свитский генерал Нарышкин, ни разу их не навестивший в Царском».

Эрсберг: «Ни разу к ним не явился свитский генерал Нарышкин. Убежал от них начальник конвоя граф Граббе. Ушел Апраксин. Ни разу к ним не пришел и ушел от них старший офицер гвардейского экипажа флигель-адъютант Николай Павлович Саблин».

Не все оказалось благополучным и в среде дворцовой прислуги. Многие приняли на себя роль добровольных сыщиков и шпионов. Когда Императрица поняла серьезность положения, она уничтожила некоторые свои документы при помощи Вырубовой. Как только Керенский прибыл во дворец, ему было сейчас же доложено об этом прислужой. Донос встревожил Керенского. Производилось расследование: допрашивалась прислуга, осматривались печи. Вырубова была отправлена в крепость.

Старый дядька Наследника Цесаревича боцман Деревенко, тот самый, среди детей которого протекли первые годы жизни Наследника, кто носил его на руках во время болезни, в первые же дни переворота проявил злобу к нему и оказался большевиком и вором.

Всем этим людям невольно противопоставишь двух других, никогда не принадлежавших к придворной среде. Это были девушка Маргарита Хитрово и некая Ольга Колзакова. Они не боялись иметь общение с заключенной семьей и в своих письмах слали ей слова любви и глубокой преданности, не прикрывая своих имен никакими условностями.

Но я особо полагаю себя обязанным отметить высокую степень личного благородства и глубочайшую преданность Русскому Царю и его семье двух лиц: воспитателя Наследника Цесаревича швейцарца Жильяра и преподавателя английского языка детям англичанина Гиббса.

Неоднократно подвергая жизнь свою риску, Жильяр всецело жертвовал собой для семьи, хотя ему как иностранцу ничего не стоило уйти от нее в первую же минуту.

В момент ареста Государыни Гиббс не был во дворце. Потом его уже непустили. Он настойчиво стал требовать пропуска и подал письменное заявление, чтобы ему позволили учить детей. В показании его значится: «Временное правительство не позволило мне быть при них. Отказ, я очень хорошо это помню, имел подписи пяти министров. Я не помню теперь, каких именно, но я помню, что именно пяти министров, причем из моего ходатайства было видно, что я преподаю науки детям... Мне, англичанину, это было смешно». Пять революционных министров не сломили воли упорного англичанина. Он соединился с семьей, но уже в Сибири. В показании его значится: «Я приехал в Тобольск сам. Я хотел быть при семье, так как я им предан... Это было в час дня. Я был принят Государем в его кабинете, где были Императрица и Алексей Николаевич. Я очень рад был их видеть. Они рады были меня видеть. Императрица в это время уже понимала, что не все, которых она считала преданными им, были им преданны. Им не оказался преданным начальник конвоя граф Граббе. Граббе убежал от них на Кавказ во время революции».

Должностные лица: дворцовые коменданты
Коцебу и Коровиченко, военный министр Гучков,
министр юстиции Керенский

Как относились к семье те люди, которым принадлежала власть над ней в дни революционного потока?

Ближайшая власть была в руках дворцового коменданта Коцебу и начальника караула Кобылинского.

Штаб-ротмистр Коцебу, офицер Уланского Ее Величества полка, был первым революционным комендантом. Его назначил на эту должность генерал Корнилов. Все свидетели в одинаковых выражениях говорят о роли Коцебу: он служил не революции, а царской семье. Но он

не был искушен в этом трудном деле и не учел настроения дворцовой прислуги. Когда он сидел и беседовал с Вырубовой, за ним внимательно следили. Подсмотрели, что он передает царской семье письма, не вскрывая и не читая их. В результате последовал донос, и Коцебу был уволен.

После него короткое время обязанности коменданта нес Кобылинский, а затем комендантом был назначен Коровиченко.

Павел Александрович Коровиченко – военный юрист по образованию и адвокат по профессии. Политический единомышленник Керенского, связанный с ним и общностью профессии, и личными узами, он был в полном смысле слова «оком» Керенского во дворце. В показании последнего значится: «Коровиченко, как лицо, назначенное мною, который был уполномоченным Временного Правительства, являлся уполномоченным от меня. Ему там в мое отсутствие принадлежала вся полнота власти».

Своей личной персоной Коровиченко не нес зла семье. Наоборот, он старался сделать ее заключение менее стеснительным. Но, не принадлежа к той среде, в которую он попал, он не умел держать себя и казался семье грубым, бестактным, плохо воспитанным. Передавая Княжнам письма или беседуя с ними, он «в шутку» говорил с ними словами этих писем, не замечая, что такие «шутки» коробят их. Семья не любила его. Он оставил свой пост добровольно, будучи назначен командующим войсками сначала Казанского, а затем Ташкентского военного округа, где и был убит большевиками.

После Коровиченко обязанности коменданта снова перешли к Кобылинскому, который сохранил их до самого конца. Поэтому о роли Кобылинского я скажу впоследствии.

Из лиц, имевших высшую власть, в Царском бывали: генерал Корнилов, военный министр Гучков и министр юстиции Керенский.

Несмотря на неблагодарную роль, которую принял на себя Корнилов, на некоторую сухость к нему Императрицы, он все же, видимо, ни у кого не оставил во дворце чувства недоброжелательства к себе.

В показании камердинера Волкова значится: «Арестовывать Государыню приезжал генерал Корнилов. Я его сам тогда видел. Держал себя Корнилов наружно с достоинством, как держали себя все приезжавшие в старое время во дворец. Государыня несколько не была огорчена после отъезда Корнилова и была так же спокойна, как и раньше, до его приезда. Я уверен, что Корнилов лично не сделал Ее Величеству ничего худого и не причинил ей никакой обиды».

В таких же выражениях говорят об этом и все другие свидетели.

Когда позднее Керенский объявил Корнилова изменником России и Государь узнал об этом, он выражал свое глубокое возмущение и негодовал за Корнилова.

Гучков был в Царском, видимо, один раз, и до приезда Государя.

Свидетели показали:

Князь Львов: «Он (Гучков) ездил туда как военный министр. Делал ли он тогда доклад по поводу своей поездки, я не помню; с кем он там имел общение, я не знаю».

Камер-юнгфер Занотти: «После, должно быть, приезда Корнилова приезжали к нам во дворец еще какие-то люди. Насколько я могу помнить, среди них был тогда Гучков. Я хорошо помню, что Государыня тогда очень волновалась по поводу их приезда и выражала свое негодование по этому поводу: ей было неприятно их видеть. Но она видела тогда Гучкова (я теперь хорошо помню: да, это был Гучков). Она после говорила, что приезд его был бесцелен, что ему не для чего было приезжать».

Камердинер Волков: «Зачем он (Гучков) тогда приезжал к Императрице, я не знаю. Его никто не звал. Приезжал он тогда сам и без предупреждения. Когда он шел назад, один из офицеров, приезжавших с ним, как заметно было, основательно пьяный, обратился ко мне, гардеробщику Ивану Мартышкину и лакеям Труппу и Предовскому (мы все стояли вместе) и злобно крикнул нам: «Вы – наши враги. Мы – ваши враги. Вы здесь все продажные». Он это кричал громко, с неприличными жестами, как пьяный. Я сказал ему: «Вы, милостивый

государь, в нашем благородстве ошибаетесь». Больше я ничего не стал ему говорить. Гучков шел впереди в расстоянии всего нескольких шагов от этого пьяного офицера и даже головы не повернул на эти слова. Он не мог не слышать этих слов».

Относились ли эти слова к хозяевам дворца?

Хотя я допрашивал Гучкова¹² как свидетеля, но по узкоспециальному вопросу. Я надеялся, что он даст впоследствии более пространное, исчерпывающее показание. Но его дальнейшее отношение к делу дало мне основание думать, что он не желает более свидетельствовать. Поэтому, освещая его посещение Царского данными следствия, я, как судья, отнюдь не настаиваю, что они вполне соответствуют истине.

Первое свидание Керенского с царской семьей произошло 3 апреля 1917 года. Он был принят Их Величествами в присутствии Наследника Цесаревича и Великих княжон Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны. Никто из посторонних при этом не присутствовал и очевидцем происходившего не был. Правда, няня детей Теплева находилась в соседней комнате, но она слышала только первые слова Керенского и ничего существенного в дело не внесла.

Сам Керенский показал: «Я видел тогда Царя, Александру Федоровну и детей, познакомился с ними. Я был принят в одной из комнат детской половины. Свидание в этот раз было коротким. После обычных слов знакомства я спросил их, не имеют ли они сделать мне как представителю власти каких-либо заявлений, передал им приветствие от английской королевской семьи и сказал несколько общих фраз успокоительного характера. В это же свидание я осмотрел помещение дворца, проверил караулы, дал некоторые указания руководящего характера».

Жильяр рассказывает в своей книге¹³ со слов Наследника Цесаревича, что Керенский во время этого первого свидания, уединившись с Государем, сказал ему: «Вы знаете, что я добился отмены смертной казни как наказания... Я это сделал, хотя множество моих товарищей пало жертвой своих убеждений».

Я не имел в виду при допросе Керенского этого рассказа, и поэтому его слова про «общие фразы успокоительного характера» могу лишь оставить на его совести.

Керенский бывал в Царском неоднократно. Он говорит на следствии: «...Я был там приблизительно 8—10 раз, выполняя мои обязанности, возложенные на меня Временным правительством. В эти посещения я видел Николая иногда одного, иногда вместе с Александрой Федоровной».

Как же Керенский относился к царской семье?

Многие из свидетелей, по их психологии, были несомненно враждебны Керенскому. Тем не менее истина в их словах довольно выпукла.

Чемодуров: «Отношение Керенского к Государю и его семье было вполне благожелательное и корректное».

Теглева: «Я была невольной свидетельницей первого прибытия к нам Керенского и его первого приема Государем. Он был принят тогда Их Величествами в классной комнате в присутствии Алексея Николаевича, Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны. Я как раз застряла тогда в ванной, и мне нельзя было пройти в первое время. Я видела лицо Керенского, когда он один шел к Их Величествам. Препротивное лицо: бледно-зеленое, надменное, голос искусственный, металлический. Государь ему сказал первый: «Вот моя семья. Вот мой сын и две старшие дочери. Остальные больны: в постели. Если Вы хотите, их можно видеть». Керенский ответил: «Нет, нет. Я не хочу беспокоить». До меня донеслась сказанная дальше им фраза: «Английская королева справляется о здоровье бывшей Государыни». Дальнейшего разговора я не слышала, так как я удалилась. Я видела лицо Керенского, когда он уходил: важности нет, сконфуженный, красный; он шел и вытирал пот с лица... Он приезжал потом. Дети высказывали мне их общее впечатление о приездах Керенского. Они говорили, что Керенский изменился в обращении с ними. Он стал относиться к ним гораздо мягче, чем в первый раз, проще.

Он справлялся у них, не терпят ли они каких притеснений, оскорблений от солдат, высказывая готовность все это устранить».

Эрсберг: «Относительно Керенского я могу сказать следующее. Я видела его или в первый раз, когда он приезжал во дворец, или в одно из первых его посещений дворца. Лицо у него было надменное, голос громкий, деланный. Одет он был неприлично: в тужурку, без крахмального белья. Вероятно, общение с Августейшей Семьей, в которой он не мог не почувствовать хороших людей, повлияло на него к лучшему, и он, вероятно, потом изменился в отношениях с семьей. Я не помню от кого, но мне пришлось слышать, что перед отъездом семьи в Тобольск он, разговаривая с Государем, говорил ему, что он из добрых побуждений переселяет семью из Царского в Тобольск, как удаленный от железных дорог, тихий и спокойный город, где им будет лучше; что он, Керенский, надеется, что Государь не усмотрит в его действиях «ловушки». Государь ему ответил, что он ему верит».

Занотти: «Сама я лично не могла быть, конечно, при приеме Государем и Государыней в первый раз Керенского. Лично Керенского я видела. Он был в простой рабочей тужурке. Держал он себя прилично. С детьми я говорила про Керенского. Я вынесла такое впечатление относительно Керенского: Керенский был в первые дни его приезда к нам очень нервен. Он совершенно не понимал Их Величеств. Потом он получил от них другие впечатления. Отношения между Их Величествами и Керенским стали проще, и Их Величества безусловно не относились, в конце концов, в душе их к Керенскому так, как, вероятно, сначала... Я должна сказать, что лично Керенский относился вполне вежливо к царской семье и лично не делал ничего ей неприятного».

Волков: «Под конец царская семья, как надо думать, привыкла к Керенскому. Я по совести могу удостоверить, что Государыня как-то говорила про Керенского мне лично: «Он ничего. Он славный человек. С ним можно говорить».

Жильяр: «Керенский в Царском был несколько раз. Он приезжал к нам как глава нового правительства, чтобы видеть условия нашего режима. Его обращение с Государем носило характер сухой, официальный. На меня это его обращение производило впечатление отношения судьи к обвиняемому, в виновности которого судья убежден. Мне казалось, что Керенский считает Государя в чем-то виноватым и поэтому обращается с ним сухо. Однако я должен сказать, что все же Керенский проявлял полную корректность... Явившись после этого (после отобрания бумаг у Государя) во дворец, Керенский был другой. Его обращение с Государем изменилось к лучшему. Оно утратило характер прежней сухости и стало более мягким. Я эту перемену объясню так. Мне казалось, что Керенский, ознакомившись с содержанием отобранных им у Государя бумаг, понял, что Государь не совершил ничего плохого перед Родиной, и сразу переменился в обращении с ним».

Гиббс: «Государь мне (в Тобольске) немножко рассказывал про Керенского. Он мне говорил, что Керенский очень нервничал, когда бывал с Государем. Его нервность однажды дошла до того, что он схватил со стола нож слоновой кости для разрезывания книг и так стал его вертеть, что Государь побоялся, что он его сломает, и взял его из рук Керенского. Государь мне рассказывал, что Керенский думал про Государя, что он хочет заключить сепаратный договор с Германией, и об этом с Государем говорил. Государь это отрицал, и Керенский сердился и нервничал. Производил ли Керенский обыск у Государя, я не знаю. Но Государь говорил мне, что Керенский думал, что у Государя есть такие бумаги, из которых было бы видно, что он хочет заключить мир с Германией. Я знаю Государя, и я понимал и видел, что, когда он рассказывал, у него в душе было чувство презрения к Керенскому за то, что Керенский смел так думать».

Сам Керенский показал: «Я заявляю, что с того момента, когда Государь отдал себя и свою семью под покровительство Временного правительства, я считал себя обязанным по долгу

чести перед Временным правительством оградить неприкосновенность семьи и гарантировать ей в обращении с ней черты джентльменства».

Найдена ли истина?

Я бы охотно поверил в джентльменство Керенского – ведь об этом говорит не только сам он, но и свидетели – если бы не существовало иных фактов.

С гордо поднятой головой вошел в жилище Царя Керенский. Он нес в себе уверенность в виновности Царя перед Россией. Ею проникнута та инструкция, которую он сам лично составил для царственных узников¹⁴. Керенский вдавался в ней в большие и совершенно излишние подробности. Указывая, какие блюда может кушать семья, он требовал, чтобы заключенный Царь был скромн, чтобы семья впредь «воздерживалась употреблять горячие закуски».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.